

Е. В. РЕШЕТНИКОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3(Горалик Л.)»19»

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444

КЛЮЧЕВЫЕ МОТИВЫ КНИГИ ЛИНОР ГОРАЛИК «НЕДЕТСКАЯ ЕДА: БЕЗ СЛАДКОГО»*

Аннотация: Данная статья посвящена книге Линор Горалик «Недетская еда: Без сладкого», вышедшей в 2004 году. Анализируются основные мотивы книги, в особенности мотив еды и животного мира, выявляется их значение и функция.

Ключевые слова: мотив, жанр, блог, трансгрессия, еда, животные, нон-фикшн, юмор.

«Писатель, поэт, журналист Линор Горалик родилась в Днепропетровске, с 1989 года жила в Израиле. По образованию – программист, 10 лет проработала в области высоких технологий. С 2000 года живет и работает в Москве. Автор нескольких книг прозы и стихов, детских книг, монографий, руководитель ряда коммерческих и благотворительных проектов в области культуры. Интересуется в основном людьми, животными и текстами, которые произносят те и другие. Вывела на чистую воду жирафов» [Международный проект «Сноб»/ Электронный ресурс] – так звучит аннотация к одному из интернет-блогов Линор Горалик, написанная самим автором. Линор Горалик – удивительная личность, внимание которой обращено буквально на все мелочи жизни. Отсюда и главная особенность ее творчества: умение слышать и видеть. С неугасаемым любопытством Горалик наблюдает за предметами, людьми и животными, за тем, как они движутся, что говорят, что создают и даже за тем, что они едят и как это делают.

«Линор Горалик – это бренд, клеймо, определенный знак качества. Можно по-разному относиться к ее текстам – от

* Статья подготовлена в рамках научного проекта "Стратегии трансгрессии в современной русской литературе" (Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2013.6).

неимоверного обожания до полного неприятия – таков диапазон эмоций. Невозможно только равнодушие», – пишет Галина Ермошина [Ермошина 2003: 15]. Действительно, Линор Горалик всегда удивляет своими произведениями, ломающими привычные представления о жанрах и стилях, о границах литературы как искусства слова. Большинство ее произведений пришли на бумагу из блога. Она мастерски владеет словом в рамках интернет-пространства. Являясь автором сразу около десятка блогов, она искусно справляется и с ограниченными по размеру микроблогами (твиттер) и с более объемными формами (живой журнал). Не зря многие называют ее «феей рунета». Ее творчество, многогранное и новаторское, характеризуется особенным подходом к жизни: во всем, что она делает (комиксы, поделки, книги, статьи, блоги), сквозит огромная любовь к миру, к людям и всем живым существам.

В 2004 г. вышла книга Линор Горалик «Недетская еда: Без сладкого» [Горалик 2004], которая во многом сохранила жанровые особенности блога. Это сборник короткой прозы, метких наблюдений, записей снов, впечатлений, маленьких открытий. Записи идут друг за другом, объединенные географическим положением и датой (месяцем, временем года), что сближает книгу с жанром дневника.

Творчество Линор Горалик чрезвычайно разнообразно, соединяет разные принципы поэтики, веяния и мотивы. Это связано, конечно, с личностью самой писательницы. Горалик много путешествует: США, Чехия, Англия, Германия, Израиль и Россия сменяют друг друга. Каждый день новые места, новые люди, новые впечатления, которые Горалик умеет по-особому коллекционировать, переосмысливать, а затем – пересказывать. Ее космополитичность, конечно, является причиной многообразия мотивов творчества. В ее произведениях привлекают естественность и непринужденность, легкость смены ракурса и темы, свобода от жанровых моделей и канонов. Можно выделить несколько устойчивых, повторяющихся мотивов в ее произведениях: мотив животного мира (восприятия людей через живущих рядом с ними животных, уподобление человека какому-нибудь животному, наконец, внимание к животным как самостоятельным «субъектам», живущим своей собственной жизнью), мотив игры, мотив, связанный с религиозным осмыслением мира (он подается иронично и подчеркнута нетрадиционно), мотив еды. Последний проявился наиболее ярко в исследуемой нами книге. Заявленный уже в названии: «Недетская еда: БЕЗ СЛАДКОГО», он связывает и организует всю мозаику эпизодов и афоризмов в единое художественное целое.

Почему именно мотив еды так часто и разнообразно появляется в творчестве Линор Горалик? «...И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря им: скажите сынам Израилевым: вот животные, которых можно вам есть из всего скота на земле: всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте» (Левит. 11:2-3) – эта фраза из Библии тысячелетия назад установила особое отношение евреев к еде и к животным. Кроме того, кухня любого народа состоит из тех продуктов, которые дает ему земля, на которой этот народ живет. Но евреи проживают по всему миру, поэтому и исходные продукты у них разные, поэтому и национальная кухня чрезвычайно богата, красочна и обильна. Ходят легенды о еврейских матерях, об их кулинарном мастерстве и таланте кормить своих детей. Линор Горалик выросла как раз в такой семье, поэтому закономерно, что еда в ее произведениях – это способ национальной самоидентификации, конструирования образов «своих» и «чужих», еда – способ познания чужой культуры, путь к установлению коммуникативных связей, попытка самовыражения и т.д.

В книге две главы, озаглавленные: «Недетская еда: первое» и «Недетская еда: второе», десерта не предполагается, т.к. уже в заглавии нам сообщили, что сладкого не будет. Почему книга разделена именно на первое и второе? Первое блюдо – это всегда бульон или суп, нечто легкое, второе же блюдо, основное – это мясо или рыба, нечто более «тяжелое». Так и в книге: первая часть – жизнерадостная, шутливая, легкая, здесь Линор иронична и весела, во второй части появляются мотивы одиночества, абсурдности окружающего мира, алогичности мироздания. Попробуем проследить за логикой внутреннего сюжета, создаваемого движением мотива еды.

В первой части книги еда становится способом понять «других», культуру новой страны, с ее особенностями и деталями. О Праге Горалик пишет: «У них там на завтрак вместо корнфлекса дают такие крошечные круглые бисквитики в молоке...» [Горалик 2004: 24]. Такие мелочи и детальки характеризуют страну, прорисовывают ее портрет. Вот что пишет Горалик про «славянскую еду», находясь в Израиле: «У меня начался приступ пищевой ностальгии. Сегодня зашла в магазинчик один, там всякие славянские (в смысле места производства) консервы. Хотела купить каких-нибудь рыб. Две этикетки поразили мое воображение: одна – с трогательной надписью «Тюфтельки», а вторая со страшной: «ПАШТЕТ ИЗ ГУСИ». Бедная Гусь...» [Горалик 2004: 21]. Далее еще один отрывок, написанный уже во время пребывания Горалик в Москве: «В меню какой-то

забегаловки: «Крылья птицы Фри». Птица Фря, родная сестра Гуси, из которой паштет» [Горалик 2004: 41]. В этих двух коротких отрывках сквозит и нежное отношение ко второй родине Горалик – России (с умилением читает она про «Тюфтельки»), и ироничное отношение к перманентной абсурдности и алогичности российской действительности, к стремлению подражать западным веяниям.

Еда – это и попытка осмыслить свое место в мире, даже во всемирной истории: что было бы, если бы бананы росли «ниииизко-ниииизко»? Как бы тогда протекала эволюция приматов? Стали бы мы тем, кем стали? Так далеко заглядывает Горалик, и даже дальше, меряясь силами с динозаврами: «Я купила растворимую овсянку. При первом же приготовлении овсянка растрогала меня до слез: в ней плавают такие капсулки, а в них маааааленькие сахарные динозаврики... Упиться. Я, я, простой смертный двадцать первого (почти) века, ВАШИХ ДИНОЗАВРОВ НА ЗАВТРАК ИМЕЛА!!!» [Горалик 2004: 24].

Даже материки и страны представляются ей в виде лакомых кусочков: «Кормят в самолете отвратительно, а между тем острова внизу выглядят как большие куски жареной говяжьей печени» [Горалик 2004: 35].

Горалик всегда внимательна к рекламе во всех ее проявлениях, поскольку в ней всегда можно найти ключ к настроениям эпохи, тенденциям времени. Реклама пищевой продукции разных стран становится здесь тем кодом, с помощью которого автор зашифровывает свои собственные мысли о войне и мире: «Новая реклама Черкизовского мясокомбината: карта России, выложенная из окороков, колбас и сосисок. Страшная мысль посещает: придет собачка – и нет России...» [Горалик 2004: 79]. Вместе с тем, именно еда становится одним из способов установления мира и покоя на земле, потому что именно еда – это то «теплое, мягкое и гомогенное», что объединяет всех нас: Видела там [Лондон] лучшую в мире рекламу утренних овсяных хлопьев: «Makelove, notbreakfast» [Горалик 2004: 46].

Пища выступает в книге еще и как некий барометр отношений, атмосферы, настроения: «Обедаем с Ромой Воронежским. Все плохо. Мы оба не в духе и кормят нас медленно и как-то неправильно...» [Горалик 2004: 124].

Но самая главная функция еды в первой части книги – это функция раскрытия внутреннего мира человека, его подсознательного, путь к понимаю характера и темперамента. «Макс Немцов не ест ни

рыбы, ни курицы. Говорит: “В моей жизни достаточно проблем, чтобы еще возиться с костями”» [Горалик 2004: 59] – ответ героя почти фразеологичен, от конкретного замечания о пищевых пристрастиях Горалик приводит нас к некой метафоре проблемной жизни в целом.

В первую же часть входит и заметка, из которой родилось заглавие книги: «Флит в детстве нашел идеальный способ отделяться от еды, которая ему не нравилась. Он с серьезным видом возвращал еду и говорил. “Это не детская еда”. Сейчас взрослый Флит часто говорит ту же фразу, но без пробела: “Это недетская еда”. Еду съедает» [Горалик 2004: 117]. В заглавии книги слово «недетская» написано без пробела, мы можем подобрать синоним: недетская, то есть взрослая. Это заметки о проблемах взрослого мира, о быстротечности жизни, о ее жестокости и алогичности, написанные без «сладкого». Обо всем этом Горалик говорит с ироничной улыбкой, но к концу книги мотив одиночества и потери взрослого человека, который остался в душе ребенком, звучит все сильнее. Особенно сильно этот мотив проявляется во второй части книги: «Недетская еда: второе», в том числе и через сюжеты, связанные с едой и приемом пищи.

Во второй части книги мы встречаемся с заметкой, в которой Линор Горалик выражает свое отношение к политической ситуации в России: «В самолете “ТУ-214” авиакомпании “Россия” у меня состоялась законспирированная беседа со стюардессой на тему предстоящих президентских выборов. Она подошла ко мне и спросила: “Вам рыбу или курицу?” – “Курицу”, – сказала я. “Эх, – грустно сказала немолодая стюардесса, – курица кончилась, *выбирайте* рыбу”» [Горалик 2004: 199]. (Не называя имен, Горалик все сказала, опять поднимая бытовую, обыденную ситуацию в самолете на более высокий, иносказательный уровень. В фразе «курица кончилась, *выбирайте* рыбу» слово «выбирайте» звучит абсурдно, нелепо и это, действительно, «грустно»).

На одной из последних страниц второй части Горалик поместила отрывок-манифест, в котором она решила «расставить точки над “i”». Кроме размышлений о жирафе и человеке на луне, этот отрывок содержит и размышления Горалик о еде: «Послушайте, твердые предметы – это не еда. Еда должна быть теплой, мягкой и однородной. Мои предки не для того мучительно слезали с дерева, чтобы я своими выродившимися зубами колола орехи», – так заявляет Горалик. Далее она возмущается феноменом кофе: «Кофе! Вы вообще видели, как он выглядит? Твердые горькие предметы, холодные и вонючие. И

главное: мы все знаем, что делать с вонючими предметами: не трогать! И уж тем более в порошок не растирать! Потому что, если что-нибудь растереть в порошок, с его запахом происходит – что? Правильно» [Горалик 2004: 312]. По мнению Горалик, кофе – это лишь мода, культурная традиция: «Попробуйте один раз понюхать кофе не сквозь культурный слой, а носом» [Горалик 2004: 312]. В этом фрагменте Горалик открывает нам еще одну часть себя, своего внутреннего мира. Она бунтует против твердой, холодной, «вонючей» еды, она за все «мягкое, теплое и гомогенное». И это, конечно, не только про еду, здесь стремление Горалик сделать весь мир мягким и теплым, желание встречать меньше холодного, трудного для переваривания в окружающем мире. А бунт против кофе – это бунт против всего клишированного и устоявшегося, всего закоренелого и надоевшего.

Таким образом, мотив еды проходит через всю книгу, становясь связующим элементом. Еда – это и способ понять чужую культуру, и попытка осмыслить свое место в мире и истории, и путь к установлению коммуникативных связей. Но главное функцией еды является, как мы отметили выше, функция человекопонимания, открытия внутреннего мира «Другого».

Еще одним ключевым мотивом книги является мотив животного мира, восприятия животных как людей, через призму общественных норм и правил. Горалик любит писать про животных: коты, хомячки, белки – излюбленные персонажи ее книг. Через сравнение, сопоставление людей и животных, Горалик приходит к интересным открытиям: «Люди в самолете – точь-в-точь как домашние животные хомячки. Вот клетка; выйти нельзя – сиди, пока не выпустят. Спи. Приходят какие-то непонятные существа, будят, дают поесть. Спишь опять...» [Горалик 2004: 35] или: «Старушки и голуби бегают по снегу одинаково» [Горалик 2004: 82]. Горалик сравнивает животных и людей, и последние не всегда выигрывают при сопоставлении: «”Юрка, – говорю, – мне все время снятся грустные животные”. “Хорошо, что не люди”, – меланхолично отвечает Юра» [Горалик 2004: 143]. «Хорошо, что не люди» – ключевая фраза для Горалик. Животные для нее часто умнее, добрее и интересней людей. Но самые хорошие из людей, друзья героини, устаиваются звериных прозвищ: Хаут – кот, Ольга Винникова – Заяц. О многих действующих лицах в конце глав сказано следующим образом: «Дивное существо», «Очень трогательное существо», «прекрасное рыжее существо» – так говорят скорее о милых животных, но у Горалик это является показателем особого чуткого и доброго отношения к данному человеку.

Горалик воспринимает животных по аналогии с людьми. Героиня как будто бы обладает особым талантом коммуникации с животными, умеет трактовать их действия: «Поняла, почему рыбы молчат, когда смотрела, как они в аквариуме чайного клуба набирают в рот камней, перекатывают их и выплевывают обратно. Это они, конечно, совершенствуются в ораторском искусстве. А молчат – потому что еще не готовы» [Горалик 2004: 153]; «Мы едем в заповедник. Мне там ужасно нравится – на деревьях висят таблички: «Просьба не сходить с тропы, здесь могут быть медведи». Медведей мы не видим, зато видим белку. Она сидит на мусорном баке. Я ей говорю «кс-кс-кс!». Белка немедленно сигает в бак и через десять секунд возвращается с каким-то ошметком в зубах. В гости, что ли зовет?» [Горалик 2004: 37].

Интересен образ собак в «Недетской еде». В отличие от белок и рыбок, собака – это скорее метафора одиночества, голода, грусти. Образ собаки возникает чаще всего в связи с Москвой. «В Москве куча собак, одна другой прекрасней: громадные, лохматые...мокрые, правда... С одной из них я дружила давеча на автобусной остановке и потом чувствовала себя большой довольной лужей» [Горалик 2004: 51]. «В метро собака греется у банкомата; лежит, голову на лапы сложила, смотрит грустно. Хочется сфотографировать собаку и банкомат и сделать плакат такой: «Думай о бедных!» [Горалик 2004: 72].

Но совершенно особое место в книге отведено отношениям героини с кошками. Кошка в культуре всегда воспринималась как животное самостоятельное, независимое, гуляющее само по себе, в отличие от преданной человеку собаки. В современном интернет-пространстве образ кошки стал очень популярен, к уже существующим составляющим этого образа добавляются новые. Например, кошка как символ одиночества своего хозяина, чаще – хозяйки. Одинокая женщина средних лет с несколькими кошками, в которых она не чаёт души, стала героиней многих интернет-шуток и рассказов. Поэтому, на мой взгляд, отношения героини «Недетской еды» с кошкой можно рассматривать как знак одиночества первой. Удивительно, что отношения эти совсем человеческие.

Кот героини и друг героини, Хают, в одном из рассказов названы «самцами одного вида», не поделившими территорию. Кошке приписываются совсем человеческие чувства, например, стыд: «”Заяц, – говорю, – гуляют же люди с собаками, почему мне с кошкой не гулять? Поводок куплю... Как ты думаешь, что будет?” Подумав, Заяц отвечает: “Если кошка не умрет от стыда – ничего...”» [Горалик 2004:

47] и человеческие действия: «Пельмень ест вафли с корицей и чихает. Чихает, но ест» [Горалик 2004: 29].

«Ее рассказы о коте в меду или о кошке, линявшей на платье, иллюстрируют закономерности быта и отношений», – отмечает Валерия Пустовая [Пустовая 2011: 23]. Горалик пишет: «Все попадающиеся навстречу кошки кажутся мне менее зловредными, чем мой собственный Пельмень. Люди, между прочим, в таких ситуациях разводятся» [Горалик 2004: 56]; «Кошка у меня очень редко, но все-таки гадит под кушетку. Захожу на кухню и чувствую, что – да, имеет место. С тоской заглядываю под кушетку – и обнаруживаю, помимо полагающейся кучки, еще два объекта: рулон туалетной бумаги и “Коммерсант”. Нет, не курит» [Там же: 237].

Кошка – это и символ городской отчужденности, замкнутости, одиночества человека в мире: «В переулке около “Пирогов” спят рядом две кошки серые, снег идет, второй, типа, или третий в этом году. Я прохожу мимо и чувствую, что в картине что-то не так. Стою, смотрю, не понимаю, не понимаю, не понимаю... Понимаю. На одной из них снег тает, а на другой уже нет» [Горалик 2004: 82].

Таким образом, мотив еды и мотив животного мира являются главными и ключевыми мотивами книги «Недетская еда: Без сладкого». Именно через внимательное рассмотрение этих мотивов можно увидеть настоящее отношение героини к миру и к людям, услышать исповедь о времени, своем поколении и самой себе. Чем объяснить такое внимание, уделяемое в книге Горалик еде и живущим рядом с человеком животным? Мы уже говорили о «безграничности» перемещений писательницы по странам и континентам, о легкости, с которой она вращается как в мире реальном, так и виртуальном (в Сети). Будучи журналисткой, она ежедневно встречается с множеством людей. Всё это грозит размытием границ приватности, личного, индивидуального, частного мира. Прием пищи традиционно рассматривается как процесс интимный, связанный с телесностью человека. П.А. Ефремов, проследивая истории приватности в современной культуре, отмечает, что советский проект коммунальности не случайно предполагал «общепит»: публичное потребление единообразного набора блюд [Ефремов 2010: 388-389]. Отмечаемые Горалик индивидуальные вкусовые пристрастия, частные наблюдения за качеством блюд и особенностями приема пищи можно, в какой-то степени, рассматривать как реакцию на тенденцию к унификации гастрономических привычек толпы потребителей. Кроме того, в русской культуре, по мнению Петра Вайля, сложилась

традиция относить еду (как физиологическую потребность) к низшей, по сравнению с духовной и интеллектуальной, сфере. В советском искусстве «официозный примат идейности совпал с интеллигентским кодексом духовности» [Вайль 2013: 11]. Горалик, по контрасту, не боится сделать предметом изображения и осмысления сферу повседневного, обыденного, переступить границу традиционно высокого и низкого (даже на уровне лексики). Будучи человеком активной социальной позиции, Горалик, тем не менее, сохраняет приватную, очень женскую, капризную и индивидуальную, внимательность к еде, к этой основе физического существования человека и маркера его цивилизованности. Утрируя, А. Генис утверждал, что не труд, а еда сделала из обезьяны человека: кулинария – мать человечества, «первый обед, приготовленный на костре два миллиона лет назад, сделал из приматов человека» [Генис 2007: 314]. Мотив животных, прирученных человеком, кормящихся возле человека, также позволяет героине книги оставаться в рамках приватного пространства, не уходя полностью в мир социальный, культурный, информационный, сохранить связь с природной сферой.

ЛИТЕРАТУРА

- Горалик Л.* Недетская еда: без сладкого. – М.: ОГИ, 2010. – 368 с.
- Вайль П.* Кулинарная империя двадцать лет спустя // Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – С. 9-14.
- Генис А.* Колобок: Кулинарные путешествия. – М.: Астрель, 2007.
- Ермошина Г.* Фокус про страдание // НЛО. – 2003 – № 61.
- Ефремов П.А.* Приватность в современной культуре: семиотические аспекты // Культура в фокусе знака: Сб. науч. трудов. – Тверь: СФК-офис, 2010. – С. 384-398.
- Международный проект «Сноб» / Электронный ресурс, URL: <http://www.snob.ru/> (дата обращения: 03.10.2014).
- Пустовая В.* Антология скриншотов // Октябрь. – 2011. – С. 161-174.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.В. Барковской